

Дороги судьбы (сборник)

Автор:

О. Генри

Дороги судьбы (сборник)

О. Генри

Один из самых известных юмористов в мировой литературе, О. Генри создал уникальную панораму американской жизни на рубеже XIX–XX веков, в гротескных ситуациях передал контрасты и парадоксы своей эпохи, открывшей простор для людей с деловой хваткой, которых игра случая то возносит на вершину успеха, то низвергает на самое дно жизни.

«Дядя Бешрод был не последней спицей в банке Веймутс. Дядя Бешрод шестьдесят лет верно служил дому Веймутс в качестве предмета обихода, слуги и друга. Цветом он походил на краснодеревую мебель банка, так черен был он лицом; но душа его была, как нетронутые чернилами страницы банковских книг. Это сравнение чрезвычайно понравилось бы дяде Бешроду, так как он считал, что единственное учреждение в мире, достойное внимания – это банк Веймутс, где он занимал среднее положение между швейцаром и генерал-фельдмаршалом.

Местечко Веймутс, сонное и тенистое, расположилось среди холмов на склоне южной долины. В Веймутсвилле было три банка. Два из них представляли собой безнадежные, неправильно управляемые предприятия, которым недоставало участия и престижа Веймутса, чтобы придать им блеска. Третьим был банк, управляемый Веймутсами и дядей Бешродом.

В старом жилище Веймутсов – здании из красного кирпича с белым портиком, первое направо, когда вы пересекаете Эдлер, входя в город, – проживал мистер Роберт Веймутс (председатель банка), его дочь, вдова миссис Визей, которую все называли «мисс Летти», и ее двое детей: Нэн и Гью. Здесь же, в коттедже, в саду жил дядя Бешрод с теткой Мелинди, своей женой. Мистер Вилльям Веймутс (казначей банка) жил в новомодном красивом доме на главной авеню...»

О. Генри

Дороги судьбы

(рассказы из авторского сборника)

Хранитель рыцарской чести

(Перевод под ред. В. Азова)

Дядя Бешрод был не последней спицей в банке Веймутс. Дядя Бешрод шестьдесят лет верно служил дому Веймутс в качестве предмета обихода, слуги и друга. Цветом он походил на краснодеревую мебель банка, так черен был он лицом; но душа его была, как нетронутые чернилами страницы банковских книг. Это сравнение чрезвычайно понравилось бы дяде Бешроду, так как он считал, что единственное учреждение в мире, достойное внимания – это банк Веймутс, где он занимал среднее положение между швейцаром и генерал-фельдмаршалом.

Местечко Веймутс, сонное и тенистое, расположилось среди холмов на склоне южной долины. В Веймутсвилле было три банка. Два из них представляли собой безнадежные, неправильно управляемые предприятия, которым недоставало участия и престижа Веймутса, чтобы придать им блеска. Третьим был банк, управляемый Веймутсами и дядей Бешродом.

В старом жилище Веймутсов – здании из красного кирпича с белым портиком, первое направо, когда вы пересекаете Эдлер, входя в город, – проживал мистер Роберт Веймутс (председатель банка), его дочь, вдова миссис Визей, которую все называли «мисс Летти», и ее двое детей: Нэн и Гью. Здесь же, в коттедже, в саду жил дядя Бешрод с теткой Мелинди, своей женой. Мистер Вилльям Веймутс (казначей банка) жил в новомодном красивом доме на главной авеню.

Мистер Роберт был крупным, полным человеком шестидесяти двух лет, с гладким, пухлым лицом, длинными седыми волосами и огненными синими глазами. Он был вспыльчивый, добрый и великодушный, с молодой улыбкой и грозным строгим голосом, звук которого не всегда соответствовал намерению.

М-р Вилльям был мягче характером, имел корректный вид и был всецело поглощен делами. Веймутсы считались первым семейством Веймутсвилля, на них смотрели снизу вверх; это составляло их наследственную привилегию.

Дядя Бешрод был доверенный, швейцар, посыльный, вассал и хранитель банка. У него был свой ключ от кладовой, как у мистера Роберта и мистера Вилльяма. Случалось, что на полу кладовой лежали груды мешков с десятью, пятнадцатью, двадцатью тысячами долларов серебром. Их можно было доверить дяде Бешроду. Он был настоящий Веймутс душой, честностью и гордостью.

Последнее время дядя Бешрод был не совсем спокоен. Дело касалось «массы» Роберта. Уже почти год, как мистер Роберт стал отличаться слишком большой склонностью к бутылочке... Правда, он не напивался допьяна, но привычка к выпивке уже укоренилась в нем, и все начали замечать это. Он шесть раз на дню оставлял банк и заходил в Отель Коммерсантов и Плантадоров, чтобы выпить. Обычная острота суждений и деловые способности мистера Роберта немножко пострадали. Мистер Вилльям, также Веймутс, но не обладавший таким опытом, старался затормозить неизбежный отлив клиентов, но с недостаточным успехом. Вклады банка Веймутс упали с шестизначных цифр до пятизначных. Накоплялись неоплаченные векселя, благодаря неудачным ссудам. Никому не хотелось затронуть с мистером Робертом вопрос о трезвости. Многие из его друзей утверждали, что причиной его слабости явилась потеря жены, умершей года два назад. Другие колебались из-за вспыльчивости мистера Роберта, который, безусловно, способен был принять такое вмешательство в его дела за оскорбление. Мисс Летти и дети заметили перемену и огорчились этим. Дядя Бешрод также тревожился, но он принадлежал к числу тех, которые не осмеливались протестовать, хотя он и масса Роберт выросли вместе почти на положении товарищей. Но дядю Бешрода ожидал более тяжелый удар, чем удар, нанесенный ему грогами и виски председателя банка.

У мистера Роберта была страсть к рыбной ловле, которой он предавался, когда это позволяли время года и дела. Однажды, получив какие-то известия относительно налимов и окуней, он объявил о своем намерении съездить денька на два, на три на озера. Он сказал, что отправится на Тростниковое озеро вместе

с судьей Арчинардом, старым приятелем.

Дядя Бешрод был казначеем общества «Сыновья и Дочери Неопалимой Купины». Каждое общество, к которому он принадлежал, назначало его без всяких колебаний казначеем. Его имя стояло первым в негритянских кругах. Он считался среди них мистером Бешродом из банка Веймутс.

В ночь, следующую за днем, когда мистер Роберт сообщил о своей предполагаемой поездке на рыбную ловлю, старик проснулся и встал с постели в двенадцать часов; он сказал, что он должен пойти в банк и достать расчетную книжку «Сыновей и Дочерей», которую он забыл взять домой. Бухгалтер днем составил для него баланс, вложил в книжку погашенные чеки и защелкнул вокруг нее два резиновых кружка. Для других расчетных книжек полагался только один кружок.

Тетка Мелинда возражала против этого предприятия. В такой поздний час! Это бессмыслица! Но дядю Бешрода невозможно было отговорить от исполнения долга.

– Я сказал сестре Аделине Хоскинс, – ответил он, – пусть она придет за этой книжкой завтра утром в семь часов, чтобы отнести ее на собрание учредителей, и книжка должна быть здесь, когда она придет.

Итак, дядя Бешрод облекся в свой старый коричневый костюм, взял свою толстую палку орехового дерева и побрел по почти пустынным улицам Веймутсвилля. Он вошел в банк, отперев боковую дверь, и нашел расчетную книжку там, где ее оставил, – в маленькой задней комнате, служившей для частных совещаний, где он всегда вешал свое пальто. Все вещи были в том порядке, в каком он их оставлял, и дядя Бешрод собирался уже уйти домой, когда его остановил вдруг скрип ключа у главного входа. Кто-то быстро вошел, тихо затворил дверь и проник в счетную комнату через дверцу в железной решетке.

Это отделение банка соединялось с задней комнатой узким коридором, который теперь тонул в глубоком мраке.

Дядя Бешрод крепко ухватился за свою ореховую палку и стал пробираться на цыпочках по коридору, пока не увидел полуночного гостя, проникнувшего

в святую святых банка Веймутс. Там горел лишь один газовый рожок, но он даже при этом мутном свете сразу распознал, что грабитель – председатель банка. Изумленный, оробевший, не зная, что ему предпринять, чернокожий старик стоял неподвижно в темном коридоре и выжидал. Напротив него была кладовая с большой железной дверью. Внутри находился сейф, содержащий ценные бумаги, золото и наличность банка. На полу кладовой находилось приблизительно тысяч восемнадцать серебром.

Председатель вынул ключ из кармана, открыл кладовую и вошел внутрь, почти закрыв за собой дверь. Дядя Бешрод видел сквозь узкое отверстие мерцанье свечи.

Минуты через две – наблюдателю показалось, что прошел целый час – мистер Роберт вышел, таща с собой большой чемодан; он обращался с ним с осторожной поспешностью, словно боялся, что его заметят. Он закрыл и запер дверь в кладовую одной рукой.

С неприятной идеей, сложившейся под его курчавыми волосами, дядя Бешрод ждал и следил, дрожа в скрывающей его тени.

Мистер Роберт осторожно поставил чемодан на конторку и поднял воротник пальто, чтобы закрыть себе шею и уши. Он был одет в грубый серый костюм, по-видимому дорожный. Он посмотрел, напряженно нахмутив брови, на большие конторские часы над зажженным газовым рожком, затем тоскливо оглядел банк, тоскливо и нежно, подумал дядя Бешрод, будто прощался с дорогой, привычной обстановкой.

Потом он снова поднял свою ношу и быстро и тихо вышел из банка тем же путем, по которому пришел, и запер за собой парадную дверь.

Дядя Бешрод стоял больше минуты, смотря ему вслед, превращенный в камень. Если бы полуночный грабитель оказался кем бы то ни было другим, старый слуга кинулся бы на него и ударил бы его, чтоб спасти имущество Веймутсов. Но теперь душа свидетеля терзалась мучительным опасением чего-то худшего, чем обыкновенное воровство. Его охватил ужас; ведь это доброе имя и честь Веймутсов должны погибнуть! Масса Роберт ограбил банк! Что иное могло тут быть? Ночной час, тайное посещение кладовой, наполненный чемодан, пронесенный им так быстро и неслышно, грубый костюм грабителя, тревожный

взгляд, брошенный на часы, бесшумное исчезновение – что иное могло это означать?

Затем к тревожным мыслям дяди Бешрода присоединились подтверждающие воспоминания предыдущих событиях: все растущая невоздержанность мистера Роберта и, как следствие ее, частые приступы деспотических капризов и вспышек гнева; случайный разговор, слышанный им в банке по поводу застоя в делах и затруднений в собирании вкладов. Что иное могло это означать, как не то, что мистер Роберт Веймутс – растратчик и решил бежать с оставшимися фондами банка, предоставив мистеру Вильяму, мисс Летти, маленьким Нэн и Гью и дяде Бешроду нести бремя позора.

Дядя Бешрод обсуждал эти вопросы в течение минуты, потом в нем пробудилась внезапная решимость и энергия.

– Боже! Боже! – громко застонал он и поспешно заковылял к боковой двери. – Такой конец после стольких лет великих и прекрасных дел. Какое позорное зрелище для всего мира, если член семьи Веймутс окажется грабителем и растратчиком. Пора дяде Бешроду вычистить этот курятник и поставить дело на рельсы. О боже! Масса Роберт, вы этого не сделаете! Мисс Летти и детки такие гордые, только и повторяют: «Веймутс, Веймутс!» на все лады. Я удержу вас, если смогу. Можно ожидать, что вы прострелите голову старому негру, если он будет вам противоречить, но я удержу вас, если смогу.

Дядя Бешрод, с помощью ореховой палки и с препятствием в виде ревматизма, поспешил вдоль улицы по направлению к железнодорожной станции, где встречались обе линии, проходившие через Веймутсвилль. Как он ожидал и боялся, он увидел там мистера Роберта, стоявшего в тени здания, в ожидании поезда. Он держал в руке чемодан. Когда дядя Бешрод подошел к председателю банка, стоявшему, как огромный серый призрак, у стены вокзала, на расстояние двадцати шагов, его охватило волнение. Ему ясно представилась опрометчивость и смелость поступка, который он хотел совершить. Он был бы счастлив повернуть назад и убежать от взрыва пресловутого гнева Веймутсов. Но он снова увидел в своем воображении бледное, укоризненное лицо мисс Летти и горестные взгляды Нэн и Гью. Что же он скажет им, если он не исполнит своего долга? Он, который обязан защищать их?

Подстрекаемый этой мыслью, он пошел по прямой линии, покашливая и постукивая палкой, чтоб его скорей узнали. Таким образом он избегнет

грозившей ему опасности неожиданно испугать запальчивого мистера Роберта.

- Это вы, Бешрод? - прозвучал резкий, звонкий голос серого призрака.

- Да, сэр, масса Роберт.

- Какого черта вы шляетесь по ночам?

В первый раз в своей жизни дядя Бешрод солгал массе Роберту. Он не мог избежать этого. Ему придется выкручиваться. Его нервы не выдержат прямого нападения.

- Я пошел, сэр, навестить старую тетку Марию Паттерсон. Она заболела ночью, и я отнес ей бутылку лекарства от Мелинды. Да, сэр.

- Вот как! - сказал Роберт. - Идите лучше домой, не бродите по ночному воздуху. Теперь сыро. Вы завтра будете ни к черту не годны из-за вашего ревматизма. Думается, будет ясный день, Бешрод.

- Полагаю, что будет, сэр. Солнце было багровое при закате нынче вечером.

Мистер Роберт зажег в темноте сигару; дым казался серым призраком, исчезающим и растворяющимся в ночном воздухе. Язык у дяди Бешрода не повиновался ему, отказываясь затронуть страшную тему. Дядя Бешрод стоял на гравии, неловкий, неуклюжий, ковыряя своей палкой песок.

Но тут он услышал вдалеке, на расстоянии трех миль - у стрелки Джимтоуна - свисток приближающегося поезда, того поезда, которому суждено было унести имя Веймутсов в страну бесчестия и позора. Страх покинул его. Он снял шляпу и повернулся к вождю клана, которому он служил, к великому, царственному, добросердечному, надменному, страшному Веймутсу. Он остановил его на границе ужасного деяния, которое должно было совершиться.

- Масса Роберт, - начал он голосом, слегка дрожавшим от напора чувств. - Вы помните день, когда был конкурс верховой езды в Дубовой Долине? Тот день, сэр, когда вы взяли первый приз и увенчали мисс Люси королевой?

– Конкурс? – сказал мистер Роберт, вынимая сигару изо рта. – Да, я отлично помню, но какого черта вы здесь, в полночь, толкуете о конкурсах? Ступайте домой, Бешрод. Никак вы стали лунатиком?

– Мисс Люси коснулась вашего плеча саблей, – продолжал старик, не обращая на него внимания, – и сказала: «Я посвящаю вас в рыцари, сэр Роберт. Встаньте, непорочный, без страха и упрека». Это сказала мисс Люси. Это было очень давно, но мы с вами этого не забыли. И другую минуту мы также не забыли, – ту минуту, когда мисс Люси лежала на смертном одре. Она послала за дядей Бешродом и сказала: «Дядя Бешрод, когда я умру, обещайте хорошенько заботиться о мистере Роберте. Мне кажется, – так сказала мисс Люси, – он больше слушается вас, чем всех других. Он иногда бывает очень раздражительный и, может быть, выругает вас, если вы начнете его убеждать, но он должен иметь около себя человека, понимающего его. Он иногда точно ребенок». – Это сказала мисс Люси, и глаза ее сияли на ее жалком и исхудалом лице, «но он всегда был – это ее слова – моим рыцарем, непорочным, без страха и упрека».

Мистер Роберт пытался, по своей привычке, замаскировать поддельным гневом прилив чувствительности.

– Вы... вы старый пустомеля! – ворчал он сквозь облака клубившегося сигарного дыма. – Никак вы рехнулись? Я велел вам отправиться домой, Бешрод. Мисс Люси сказала это, вот как? Что делать, мы не сумели сохранить щит незапятнанным. Два года минуло на прошлой неделе, как она умерла, не так ли, Бешрод? Провались все! Вы всю ночь собираетесь здесь стоять и гоготать, как гусак кофейного цвета?

Поезд снова дал свисток. Он был теперь у водокачки, на расстоянии одной мили.

– Масса Роберт, – сказал дядя Бешрод, положив руку на чемодан, который держал банкир. – Бога ради, не берите это с собой. Я знаю, что там находится. Я знаю, где вы это взяли. Не берите это с собой. В этом чемодане большое горе для мисс Люси и для деток дочери мисс Люси. Из-за этого погибнет имя Веймутсов, и тем, кто его носит, придется склонить голову под бременем позора и отчаяния. Масса Роберт, вы можете убить старого негра, если захотите, но не берите с собой чемодана. Если я когда-нибудь переплыву Иордан, что мне сказать мисс Люси, когда она спросит меня: «Дядя Бешрод, почему вы не заботились хорошенько о мистере Роберте?»

Мистер Роберт бросил свою сигару и высвободил одну руку своеобразным жестом, который у него всегда предшествовал взрыву гнева. Дядя Бешрод наклонил голову перед ожидаемой бурей, но не отступил. Если дому Веймутсов суждено погибнуть, он погибнет вместе с ним. Банкир заговорил, и дядя Бешрод замигал глазами от удивления. Буря наступила, но утихнувшая до безмятежности летнего ветерка.

– Бешрод, – сказал мистер Роберт, более тихим голосом, чем всегда, – вы перешли все границы. Вы злоупотребили снисходительностью, с которой к вам относились, чтоб непростительно вмешаться не в свое дело. Так, значит, вам известно, что в этом чемодане? Ваша продолжительная и верная служба является некоторым извинением для вас. Но ступайте домой, Бешрод, и ни слова больше!

Но Бешрод схватил чемодан более твердой рукой. Фонарь на локомотиве освещал теперь мрак вокруг вокзала. Шум увеличивался, и люди зашевелились около полотна.

– Масса Роберт, отдайте мне ваш чемодан. Я имею право, сэр, так говорить с вами. Я работал на вас и служил вам с детских лет. Я проделал войну в качестве вашего денщика, пока мы не вздули янки и не отправили их обратно на Север. Я присутствовал на вашей свадьбе и был не особенно далек, когда родилась мисс Летти. А детки мисс Летти, они теперь всегда поджидают дядю Бешрода, когда он возвращается вечером домой. Я был Веймутсом, за исключением цвета кожи и титулов. Мы оба – старики, масса Роберт. Теперь уже недолго ждать той поры, когда мы увидимся с мисс Люси и нам придется дать отчет в наших делах. От старого негра многого не ждут; достаточно, если он скажет, что сделал все, что мог, для семейства, которому принадлежал. Но Веймутсы – они должны сказать, что жили непорочно, без страха и упрека. Отдайте мне этот чемодан, масса Роберт, – я его возьму. Я снесу его обратно в банк и запру его в кладовую. Я сделаю, как приказала мисс Люси. Отпустите чемодан, масса Роберт.

Поезд стоял у станции. Несколько человек толкали тележки по платформе. Два-три сонных пассажира вышли из поезда и побрели в темноту. Кондуктор спустился на гравий, взмахнул фонарем и закричал: «Алло! Франк!» кому-то невидимому. Раздался звонок, тормоза зашипели, кондуктор завопил: «Все в вагоны!»

Мистер Роберт выпустил чемодан из рук. Дядя Бешрод прижал его к груди обеими руками, как влюбленный обнимает свою первую любовь.

– Возьмите его с собой, Бешрод! – сказал мистер Роберт, пряча руки в карманы. – И пусть с этим вопросом будет покончено – слышите! Вы достаточно наговорили. Я поеду с этим поездом. Скажите мистеру Вильяму, что я вернусь в субботу. Спокойной ночи!

Банкир взошел на ступеньки вагона и скрылся в купе. Дядя Бешрод стоял неподвижно, все еще обнимая драгоценный чемодан. Его глаза были закрыты, а губы шевелились, шепча благодарность небесному отцу за спасение чести Веймутсов. Он знал, что мистер Роберт вернется, как сказал. Веймутсы никогда не лгут. И теперь, слава Богу, никто не сможет сказать, что они растрачивают деньги банка.

И старик устремился со спасенным чемоданом в банк.

В трех часах от Веймутсвилля мистер Роберт вышел в сером предрассветном тумане на одиноком полустанке. Он смутно разглядел фигуру человека, ожидавшего на платформе, и очертания рессорной коляски, пары лошадей и кучера. Полдюжины длинных бамбуковых рыболовных удочек торчали позади коляски.

– Приехал, Боб? – сказал судья Аргинард, старый приятель и школьный товарищ мистера Роберта. – Будет великолепный день для рыбной ловли. Мне кажется, ты говорил... Отчего ты не захватил с собой это самое?

Председатель банка Веймутс снял шляпу и взъерошил свои седые кудри.

– Вот что, Бен, сказать тебе правду, чертовски самонадеянный старый негр, принадлежащий моей семье, расстроил все дело. Он явился на вокзал и наложил свое «veto» на все предприятие. Он желает мне добра, и, я должен признаться, что он прав. Он каким-то образом проведал, что я замышлял, хотя я все проделал в банке и протащил это в полночь. Полагаю, он заметил, что я позволяю себе немного больше, чем подобает джентльмену, и явился ко мне с несколькими вескими аргументами.

– Я брошу пить, – сказал мистер Роберт в заключение, – я пришел к убеждению, что человек не может предаваться этому и оставаться вполне тем, чем желает быть: непорочным, без страха и упрека.

– Что ж, приходится согласиться, – задумчиво сказал судья, когда они влезли в коляску, – против аргумента старого негра, по совести, ничего не попишешь.

– Все же, – сказал мистер Роберт со слабым отголоском вздоха, – в этом чемодане были две кварты самого лучшего, старого, бархатного виски, каким нам когда-либо приходилось промочить горло.

Плюшевый котенок

(Перевод под ред. В. Азова)

Зрелище современных финансовых калифов, разгуливающих по Багдаду над Подземкой и старающихся облегчить нужду населения, способно заставить великого аль-Рашида перевернуться Гаруном в гробу. Если же нет, то его заставит произвести эту кувыркколлегию наша острота, ибо настоящий калиф был остроумным человеком и ученым и, следовательно, ненавидел каламбуры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/o-genri/dorogi-sudby-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)